

ФИЛИППИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА 1898 г. И ЕЕ БОРЬБА ЗА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Проф. А. Губер

Филиппинская республика возникла в огне революционного национально-освободительного восстания 1896—1898 годов. За короткий срок своего существования республика наряду с вооружённой борьбой против испанских, а затем и американских сил развила интенсивную дипломатическую деятельность, усиленно добиваясь международного признания независимости Филиппин и созданного революцией правительства.

Дипломатическую сторону борьбы за независимость учитывали уже подготавливавшие вооружённое восстание руководители тайной организации. Восстание, вспыхнувшее в августе 1896 г., было возглавлено тайным известием — «Высоким и достойным Союзом сыновей народа», обычно известным под кратким названием «Союз» (Катипунан).

Катипунан был подлинно народной, демократической организацией, созданной выходцем из народных низов — «великим плебеем» Андресом Бонифацио — и группой разделявших его пылкие революционные устремления мелкобуржуазных интеллигентов. Катипунан опирался на манильскую городскую бедноту, ремесленников, крестьян. Он сумел объединить в строго дисциплинированную конспиративную организацию, причудливо сочетававшую в своём уставе и деятельности традиции древних восточных тайных обществ с европейским масонством¹, не менее 25 тыс. человек². Филиппинская буржуазная интеллигенция, блестящие юристы, поэты и историки, — в основном связанные с манильской аристократией, воспитанные на испанской культуре и преклонении перед былой мощью и величием Испании, — стояла в стороне от плебейского Катипунана.

Представители сформировавшейся в конце XIX в. буржуазии и либеральных помещиков выдвигали программу экономических и политических реформ и рассчитывали добиться их проведения мирным путём при поддержке испанских либералов. Многолетняя кампания за реформы в Испании и отчасти в самой колонии изоляла филиппинских политических деятелей в тонкостях маневрирования и в искусстве использования борьбы партий и течений в Мадриде³.

¹ Это сказывалось в организации Катипунана, в ритуале приёма членов, в наличии трёх степеней посвящения и т. д. Имена руководителей были известны лишь членам высшей степени посвящения. В Катипунане им были присвоены вымышленные имена, обычно имена исторических прогрессивных и революционных деятелей (Боливар, Дж. Бруно, Галлилей). См., например, документ, опубликованный Састроном (Sastrón «La Insurrección Filipina». Ch. IV, p. 55).

² Установление количества членов Катипунана при глубоко конспиративном характере организации представляется весьма затруднительным. Наиболее компетентные исследователи филиппинского освободительного движения приводят различные данные. В работе, опубликованной в момент восстания, Рейес Лала утверждает, что уже вскоре после создания Катипунана число членов составляло не менее 50 тыс. (Ramon Reyes Lala «The Philippine Islands», p. 289. New York. 1898). Састрон в своём ярко антифилиппинском, но основанном на первоисточниках исследовании определяет количество членов организации накануне восстания (не считая Манилы) как превышающее 50 тыс. (Sastrón. Op. cit., p. 48). Цифра Калау — 100—400 тыс. чел. явно преувеличена (Kalow M. «The development of Philippine politics». Manila, p. 77. 1926). Самые скромные подсчёты Лос Рейеса колеблются между 15 и 45 тысячами.

³ Переписка Марсело дель Пилар — одного из самых энергичных руководителей кампании за реформы в Мадриде, председателя политической секции испано-филиппинской ассоциации — указывает даже на попытки использовать разногласия в среде высшего мадридского духовенства.

Наряду с многочисленной филиппинской колонией в Мадриде в годы, предшествовавшие восстанию, широкий поток изгнанников и политических эмигрантов, гонимых ужасами колониального режима, направлялся в столицы других европейских государств, в США, Японию. Многие из филиппинских эмигрантов были связаны с политическими деятелями и общественными крутами иностранных столиц¹. Из них впоследствии вышел ряд дипломатических агентов Филиппинской республики. Но нам неизвестна сколько-нибудь активная деятельность, направленная к использованию иностранных держав для достижения филиппинской независимости. В этом разительное отличие филиппинского дореволюционного, буржуазно-национального движения от сепаратистских креольских движений в американских колониях Испании в конце XVIII — начале XIX века. Отличие, предопределяющееся прежде всего тем, что филиппинские буржуазные деятели не выдвигали в качестве непосредственной своей задачи отделение Филиппин от Испании.

Даже «отец филиппинской нации», как его с любовью называют филиппинцы, горячий патриот, крупный учёный, поэт и художник, Хосе Ризаль искренно верил в возможность мирного и постепенного достижения независимости путём реформ, полученных из рук Испании. Основанная им в 1892 г. в Маниле Филиппинская Лига не только объединяла почти исключительно представителей буржуазно-помещичьей верхушки, но своей программой и кратковременной деятельностью отражала их либеральную ограниченность.

Андрес Бонифацио, один из немногих представителей народных низов в Лиге², поклонник Ризаля, тщетно пытался при поддержке наиболее радикальных членов Лиги вдохнуть в неё жизнь и революционную энергию. После ареста и ссылки Ризаля в отдалённый район о-ва Минданао испуганные репрессиями участники Лиги предпочли распустить её добровольно.

Лишь после этого вся энергия Бонифацио, его ближайшего соратника и автора доктрин Катипунана Эмилио Хасинто и др. направляется целиком на укрепление Катипунана и подготовку вооружённого восстания. Заслуживает особенного внимания, что вожди Катипунана рассматривали свою организацию не только как орган восстания, но и как орган будущей революционной власти.

Из членов Верховного совета Катипунана заранее были выбраны лица, призванные после победы над Испанией возглавить основные отделы государственного управления и заменить колониальный административный аппарат. В провинциальных секциях Катипунана также было намечено будущее местное управление.

В составленном до начала восстания центральном правительстве был предусмотрен и пост министра иностранных дел, который предназначался Эмилио Хосито.

Однако нет данных, свидетельствующих о сколько-нибудь заметной внешнеполитической активности Катипунана в период, предшествующий восстанию. У нас нет оснований доверять широко распространявшимся испанскими газетами утверждениям о тесных связях между Катипунаном и японцами и о согласии Бонифацио уступить Японии в обмен на

¹ Один из биографов Ризаля утверждает, что благодаря связям крупного филиппинского адвоката Рехидора с английскими политическими кругами был разработан план освобождения арестованного испанскими властями и отправленного на Филиппины Ризаля. Лишь случайные обстоятельства помешали осуществлению этого плана (Russell y Rodriguez «The Hero of the Philippine», p. 203; см. более подробно Губер А. и Рыковская О. «Хосе Ризаль». М. 1937).

² Имя Бонифацио мы находим и среди перечисленных на мемориальной доске, прибитой к дому, где была основана Лига. Он был единственным представителем народных низов среди членов, организаторов Лиги.

помощь оружием один из Филиппинских островов¹. Эти утверждения, основанные якобы на показаниях видных участников Катипунана, арестованных после начала восстания, противоречат всей политике, проводившейся в этот период Японией в отношении Филиппин.

Даже оставляя в стороне официальное заявление японского министра графа Окума, заверявшего испанского посла в Токио, что Япония никогда не займёт в отношении восстания на Филиппинах такой позиции, какую заняли США по отношению к событиям на Кубе², следует учитывать, что Япония была слишком занята своими агрессивными планами на континенте и подготовкой войны с Россией, чтобы одновременно активно выступать в филиппинском вопросе, способном осложнить её отношения с европейскими державами и США. Из европейских держав к тихоокеанским колониям Испании наибольший интерес, хотя и тщательно прикрываемый «симпатиями» к испанской монархии, проявляла империалистическая Германия.

Однако планы германских империалистов строились на использовании наиболее консервативных монархических элементов филиппинского общества³.

Германская агентура, представленная и немецкими консулами и весьма активным руководителем европейской масонской ложи⁴, вела двойную игру, поддерживая связи одновременно и с испанскими колониальными властями и с консервативными филиппинскими кругами.

Именно поэтому с немцами не была, да и не могла быть связана тайная народная революционная организация.

Прозвучавший 24 августа 1896 г. «клич из Балинтавака» — призыв вождя Катипунана Бонифацио к вооружённой борьбе против испанского господства — явился не только сигналом для выступления Катипунана, но и всколыхнул широкие массы филиппинского народа. В короткий срок почти безоружные повстанцы одержали победу над испанскими войсками в важных районах Лусона⁵.

В первую очередь восстание охватило наиболее экономически развитые провинции Центрального Лусона.

Такие важные провинции, как Кавите, оказались под контролем Катипунана. Власть и управление на местах переходили к провинциальным и уездным организациям Катипунана, из руководителей которых ещё до начала восстания были намечены лица, призванные возглавить вновь создаваемую революционную администрацию.

Успехи восстания способствовали переходу в революционный лагерь части буржуазно-помещичьих деятелей, стоявших в стороне от Катипу-

¹ Архив внешней политики (АВП). Канцелярия министерства иностранных дел (К.), д. № 132, 1896 г. Донесение русского посла в Мадриде от 5 января 1897 г. См. также приложение, (Ibid., л. 201), показания Н. Андриано, М. Салвадора и др.

² АВП. К., д. № 132, л. 199.

³ Германский генконсул, защищая активную политику на Филиппинах, доказывал возможность образования независимых Филиппин в виде монархии, возглавленной каким-нибудь немецким принцем.

⁴ О деятельности немецкого «масона» и его попытках связаться с консервативными кругами филиппинских националистов и после начала испано-американской войны упоминает в своих интересных мемуарах Кальдерон (Calderon F. «Mis memoris sobre la Revolución Filipina». 1921). Полный английский перевод см. в VIII томе «Encyclopaedia Filipina». Хорошо известны враждебная позиция немецкого морского командования в Манильской бухте и связи Дидериха с блокированными в Маниле испанскими колониальными властями через посредство немецкого консула.

⁵ При этом туземные солдаты колониальной испанской армии массами переходили на сторону повстанцев. См. Benoist «La Révolte des Philippines». «Revue des deux mondes», vol. IV, p. 325, 1897. Это должен был открыто признать и испанский премьер Кановас дель Кастилья. См. также донесение русского посла из Мадрида. АВП, к., д. № 132, л. 158.

нана и не веривших до начала восстания в успех вооружённой борьбы¹. Привлечённые открывшейся перспективой завоевания национальной независимости, буржуазные элементы стремились захватить руководство народным движением и революционным правительством в свои руки. Борьба за руководство между буржуазно-помещичьей и плебейской фракциями революции уже в первые месяцы 1897 г. привела к изоляции, а затем и к вероломному убийству Бонифацио.

Борьба против Бонифацио и Катипунана прикрывалась его противниками требованиями демократического представительного правительства, призванного заменить «партийную диктатуру» Катипунана.

Лозунг создания выборного революционного правительства находил отклик и поддержку не только в широких массах, принявших непосредственное участие в борьбе за национальное освобождение, хотя и не связанных с Катипунаном, но и у многих членов этой организации. Они считали, что Катипунан уже сыграл свою роль и должен уступить место выбранной всем населением администрации.

После убийства Бонифацио во главе революционного правительства оказался ставленник буржуазно-помещичьих слоёв Эмилио Агинальдо. В дальнейшем ходе развития филиппинской революции ему принадлежала наиболее заметная, хотя далеко не самая славная роль.

Агинальдо был признан главой революционного правительства, президентом Филиппинской республики. Фактически он сумел сосредоточить в своих руках контроль над военными и гражданскими органами революционной власти. В создании им правительстве пост министра иностранных дел был представлен Х. Лумбреросом, но Агинальдо непосредственно руководил весьма ограниченной в своих возможностях дипломатической деятельностью революционного правительства. Несмотря на провозглашение республики и создание правительства перед филиппинскими революционерами стояла достаточно трудная задача завершения борьбы против испанского господства. Захватившие власть буржуазные элементы не были способны возглавить последовательную борьбу с возраставшими за счёт подкрепления из метрополии испанскими войсками. При первых же временных успехах колониальных властей в результате полученных из метрополии подкреплений и чудовищных репрессий в отношении даже умеренных элементов Агинальдо и стоявшие за его спиной буржуазно-помещичьи силы готовы были пойти на соглашение с колонизаторами при условии проведения Испанией тех политических и экономических реформ, которые выдвигались буржуазными националистами до начала восстания. Испания, с своей стороны, видела необходимость действовать не только силой, но и обещаниями. Задачу нейтрализации и привлечения на сторону Испании умеренных и колеблющихся элементов принимал ещё генерал-губернатор Бланко, в период управления которого началось восстание². Неудача кровавой тактики преемника Бланко — генерала Палавехо³ — заставило его уйти в отставку. На смену ему был прислан из Испании Примо де Ривера.

¹ Даже горячий патриот Ризаль не только принципиально выступал против вооружённого восстания в своих известных произведениях (см., например, «Noli me tangere», «El Flibusturismo» и др.), но только отклонил предложение Катипунана взять на себя руководство подготовляемым восстанием, но и обратился к испанским властям с просьбой предоставить ему возможность в качестве врача участвовать на стороне правительства в войне на Кубе (См. Russel y Rodrigéz. Op. cit., p. 291; Kalow. Op. cit., p. 76).

² Об этом свидетельствует уже инструкция Бланко своим колониальным чиновникам от 11 октября 1896 г., напечатанная в официальной манильской «Gazette». Бланко запретил и публичные выступления испанцев, разжигавшие испано-филиппинскую ненависть. См. «Nord China Herald» от 6 ноября 1896 г., стр. 805.

³ Кровавые мероприятия Палавехо, обеспечившие ему благосклонность испанского двора, были настолько малоэффективны, что, характеризуя генерал-губернатора, русский посол Шевич писал, что он «не внушает доверия к его государственным способностям». АВП. К., д. № 70. 1899 г., л. 312. Образцы декретов Палавехо см. у Sastrón. Op. cit., p. 171—174.

Хитрый и вероломный Примо де Ривера несмотря на известные военные успехи очень быстро осознал необходимость компромисса и готов был вступить в переговоры с руководителями революционного правительства. На этих переговорах, по существу, и оказалась сконцентрированной вся энергия Агинальдо и его дипломатического ведомства. Уже к концу лета центр революционного правительства был перенесён в небольшой городок Биак-на-Бато в труднодоступной горной части провинции Булакан.

Здесь руководители национально-освободительной борьбы провели сессию Учредительного собрания представителей народа Филиппинских островов, выработавшую первую дошедшую до нас¹ временную конституцию² Филиппинской республики.

Декларируя демократические свободы (всеобщее избирательное право, свободу совести, печати, образования и т. д.), конституция фактически закрепляла власть Агинальдо и его ближайших соратников. Первая статья конституции предусматривала, что «верховное управление республики сосредоточено в руках Верховного совета, состоящего из президента, вице-президента и четырёх министров, руководящих внешними сношениями, военными делами, внутренними делами и финансами».

Фактически в руках Верховного совета сосредоточивалась вся полнота власти. От него же зависел и созыв собрания представителей.

Хотя в соответствии с новой конституцией на пост министра иностранных дел был назначен Антонио Монтенегро, Агинальдо непосредственно контролировал его деятельность.

Принятие конституции, несомненно, рассматривалось самим Агинальдо и его ближайшим окружением в первую очередь как средство давления на Испанию. Об этом свидетельствовал тот факт, что одновременно с выработкой конституции, торжественно провозгласившей в своей вводной части, что «отделение Филиппин от испанской монархии и превращение их в независимое государство со своим собственным правительством — Филиппинскую республику — были целью, к которой стремилась революция в нынешней войне, начатой 4 августа 1896 г.», — в Биак-на-Бато начались переговоры с представителями испанских властей.

Переговоры, закончившиеся подписанием 18 ноября 1897 г. Биакнабатского пакта, так же как и самый пакт, явились довольно своеобразной формой отношений между «законной» государственной властью и правительством «мятежников».

В качестве представителя испанского генерал-губернатора в лагерь Агинальдо был направлен известный манильский деятель, выходец из влиятельной метисской семьи, Петро Патерно. Типичный либеральный сторонник реформ, он, как и многие другие манильские либералы, не принимал участия в революционной борьбе. В глазах испанских властей он был наиболее подходящим посредником для установления контакта с буржуазно-помещичьими элементами революционного лагеря³. В ходе переговоров правительство Агинальдо выдвинуло как основу для мира следующие требования: изгнание монахов или, в крайнем случае, закрытие монастырей, предоставление Филиппин в испанских кортесах, распространение на Филиппины всех испанских законов, равенство перед

¹ Некоторые филиппинские авторы утверждают, что первая конституция, провозгласившая «Тегалогскую республику», была принята под руководством Бонифацио в октябре 1896 г. (см. Lala. Op. cit., p. 293).

² Текст Биакнабатской конституции был впервые опубликован Максимо Калао, являющимся, так же как его брат Теодоро, не только крупным филиппинским историком, но и коллекционером относящихся к истории революции документов (см. Kalo. Op. cit., p. 418—422. Appendix «B»).

³ Природа филиппинского революционного правительства, установившегося после устранения Бонифацио, была ясна и наиболее наблюдательным современникам-иностранцам (см. Bellsort A. «Une semaine aux Philippines». «Revue des deux mondes», 15 mar. 1899).

законом туземцев и испанцев, расширение доступа туземцев к высшим гражданским должностям, реформу налогов и распределения церковных приходов в интересах туземцев, гарантию свободы совести, ассоциаций и прессы¹.

Наряду с этим филиппинское правительство настаивало на выплате Испанией трёх миллионов пезо в качестве компенсации пострадавшим участникам революционного движения и их семьям.

Предложенные правительством Агинальдо основы для компромисса, по существу, не шли дальше реформ, выдвинутых до начала восстания Филиппинской Лигой². Дипломатия Агинальдо не смогла добиться даже формального обещания Испании провести требуемые реформы. Педро Патерно, получивший полномочия революционного правительства на подписание соглашения с Примо де Ривера, так же как и сам Агинальдо, удовлетворился устным обещанием реформ. Оба они приняли точку зрения испанского генерал-губернатора, утверждавшего, что перечисление уступок в самом тексте договора «сделает испанское правительство предметом жестокой критики и даже насмешек»³.

В результате подписанный 18 ноября 1897 г. пакт содержал лишь обязательства революционного правительства прекратить борьбу против Испании и обязательства Испании уплатить денежную компенсацию в сумме 800 тыс. пезо. О реформах в самом договоре упоминалось очень глухо и неопределённо. В пункте, касавшемся прекращения революционной борьбы, говорилось, что, «она скорее задерживает, чем ускоряет проведение необходимых реформ».

Объективно договор означал капитуляцию правительства Агинальдо, а занявший центральное место вопрос о денежной компенсации впоследствии явился поводом для обвинения Агинальдо и его сподвижников в том, что они продали дело национального освобождения⁴. Урегулирование порядка уплаты компенсаций растянулось ещё на месяц и завершилось подписанием дополнительного соглашения 14 декабря 1897 года. Было установлено, что Агинальдо и его ближайшие соратники, вынужденные по соглашению покинуть Филиппины, получают чек на 400 тыс. пезо, подлежащий оплате в Гонконге. Для гарантии уплаты два испанских генерала должны были оставаться в качестве заложников в лагере Агинальдо⁵. После отъезда Агинальдо началась передача испанским властям оружия инсургентов. Затем представителям Агинальдо на Филиппинах вручались два чека по 200 тысяч. Один подлежал немедленной оплате, другой — лишь после объявления всеобщей амнистии и торжественного молебна в манильском соборе по поводу прекращения вооружённой борьбы.

Роль Агинальдо и самый смысл соглашения остались неясными для представителей филиппинского народа. Многие рассматривали Агинальдо как жертву: его путь к небольшому порту Лингоен, когда он со своими

¹ См. «The Philippine Revolution by Teodoro Kalow», p. 67; Kalow M. Op. cit., p. 93.

² Сравни с собственноручно написанными Ризалем целями Лиги. См. Губер А. и Рыковская О. «Хосе Ризаль», стр. 161.

³ Aguinaldo у Таму в «Receña verdica de la Revolución Filippina». См. Kalow. Op. cit. Опасения Примо де Ривера были не лишены основания. Даже в том окончательном виде, какой ему удалось придать Биакнабатскому пакту, последний вызвал резкую критику в испанских кортесах. См. «Diario de sesiones de cortes. Congreso de los Diputados». Vol. IV. 1898. Састрон считал его «крупнейшей ошибкой генерал-губернатора» и «величайшим потрясением испанского господства на архипелаге». Sastrón. Op. cit., p. 311.

⁴ Военный министр США Э. Рут прямо утверждал: «Агинальдо и его соратники были куплены за 400 тыс. пезо и обещанием других 400 тыс. Root E. «The military and colonial policy of the United States. Addresses and reports», p. 38. 1916

⁵ Последнее обстоятельство вызывало в Испании особенно резкую критику (см., например, выступление депутата кортесов Урия 20 апреля 1898 г. «Diario de session de cortes, etc.», p. 112—113).

спутниками покидал Филиппины, был украшен цветами и арками зелени. Толпы народа провожали изгнанников. Впоследствии многие филиппинские историки, стремившиеся обелить Агинальдо и оправдать его капитуляцию, изображали Биакнабатский пакт как искусный дипломатический маневр, вынужденный военным превосходством Испании. Однако вся слабость их аргументации очевидна. Даже если допустить, что прекращение борьбы было продиктовано военной слабостью Агинальдо, то уже ничем нельзя оправдать его подобострастного послания, направленного в момент отъезда генерал-губернатору¹. Соображения о невозможности продолжения борьбы также отпадают². Уже после капитуляции Агинальдо, сдачи части оружия, категорического обращения Агинальдо к народу с предложением прекращения борьбы целый ряд подлинно революционных народных вождей не признал соглашения и продолжал сопротивление. В ряде районов Филиппин Испании так и не удалось больше восстановить своего господства. Вплоть до возобновления вооружённого восстания и испано-американской войны в центральных районах острова Лусон сохранялись революционные местные органы. После возобновления революционной борьбы на всём архипелаге они вошли в состав вновь воссозданной республики.

Для испанских властей соглашение было лишь способом добиться прекращения революционной борьбы. Вместо обещанных на словах реформ последовали новые репрессии. Агинальдо в эмиграции и буржуазные элементы в Маниле очень скоро должны были убедиться в крахе всех своих надежд на экономические и политические преобразования.

Руководители революционного правительства, прибыв в Гонконг, вместе с находившимися там филиппинцами организовали патриотическую хунту и вскоре возобновили свою борьбу против колониального режима.

В период, когда филиппинские эмигранты, в среде которых не было единомыслия, перестраивали свои ряды и пытались наладить связи с революционным движением на архипелаге, началась испано-американская война.

Резолюция о Кубе, принятая конгрессом США 21 апреля 1898 г., вселяла и в филиппинцев надежду на достижение независимости при американской поддержке. Контакт между филиппинскими эмигрантами в Гонконге и американскими военными и консульскими представителями был установлен ещё до начала военных действий.

Господствующая в американской исторической литературе традиция (воспринятая и иностранными авторами) изображает превращение Филиппин в колонию США как случайный, побочный результат испано-американской войны³. Но даже доступная документация (опубликованные мемуары и другие источники) позволяет, на наш взгляд, установить наличие империалистических планов захвата Филиппин ещё до начала войны.

¹ В своём послании Агинальдо, между прочим, писал: «Мы все уверены, что Испания без войны, но путём законности и права введёт необходимые реформы... Привлечённое магнитом отеческой заботливости вашего превосходительства, это правительство (революционное.—А. Г.) передаёт в ваши руки вместе с миром, который мы лояльно предлагаем Испании, реализацию и прав и свобод, за которые так много патриотов отдали свою жизнь. Да благословит бог и да сделает он вечным этот мир для славного будущего нашей любимой родины — Филиппин — и для процветания и величия Испании» (см. K a l o w M. Op. cit., p. 95).

² Военная слабость Испании была очевидна (АВП. К., д № 70. 1897 г., л. 69). Корреспондент «Норд Чайна Геральд» писал, что испанские подкрепления состоят «главным образом из неопытных юнцов, не умеющих даже как следует обращаться со своим оружием» («Nord China Herald», 18. X. 1896). О непрекращавшейся борьбе см. выступления депутатов кортесов. «Diario de los sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. 1898». Vol. II, p. 532; vol. IV, p. 1286—1289.

³ См., например, Worcester «The Philippines. Past and present»; Barrows «The history of the Philippines. 1905»; Baily «A diplomatic history of the American people. 1941».

Назначение в конце 1897 г. начальником дальневосточной эскадры США командора Дьюи, открытого сторонника захвата Филиппин, отнюдь не явилось случайностью. Теодор Рузвельт, тогда лишь помощник морского министра, употребил всё своё влияние, чтобы добиться этого назначения, так как считал разумным иметь на этом посту человека, «сумеющего в случае необходимости войти в Манилу»¹. Ещё до начала испано-американской войны Рузвельт телеграфно инструктировал своего ставленника о возможных операциях на Филиппинах².

Пребывание Дьюи в Гонконге облегчило ему связи с филиппинской хунтой. Но к началу войны Агинальдо в Гонконге не было: в сопровождении двух членов хунты он направлялся в Европу; по дороге, в Сингапуре, его успел перехватить американский консул Пратт. О содержании переговоров Агинальдо с Праттом впоследствии велись длительные споры. Агинальдо и филиппинская сторона утверждали, что в этих переговорах Праттом от имени США была обещана американская помощь в достижении независимости Филиппин³.

Опубликованные в своё время американские документы — донесения Пратта и переписка с ним государственного департамента, — бесспорно, свидетельствуют, что Пратт не был уполномочен на какие бы то ни было заявления и обещания от имени США. Более того, Вашингтон даже указывал Пратту на его неудачное выступление при приёме делегации филиппинских резидентов в Сингапуре⁴. Однако это, с одной стороны, является подтверждением нашего положения, что судьба Филиппин как будущей американской колонии уже решалась империалистическими кругами США, а с другой — указывает на то, что характер бесед Пратта с филиппинцами мог укрепить их уверенность в бескорыстной помощи США. Пратт телеграфно сообщил Дьюи о согласии Агинальдо сотрудничать с США и о его готовности непосредственно договориться с командором. Ответ Дьюи гласил: «Передайте Агинальдо, чтобы приезжал как можно скорей»⁵.

Пратт немедленно устроил Агинальдо и его спутников под вымышленными именами на английский корабль, направлявшийся в Гонконг. Но Агинальдо уже не застал Дьюи: американская эскадра под его командованием 27 апреля взяла курс на Манилу. Здесь 2 мая 1898 г. в коротком сражении был уничтожен испанский флот, причём американцы не потеряли ни одного человека убитым.

Начатые в Сингапуре переговоры Агинальдо с Праттом продолжались в Гонконге с консулом США Вильямсом. Вопрос о возвращении Агинальдо и сотрудничестве с американскими силами горячо дискутировался в хунте. Весьма характерно, что большинство филиппинцев не сомневалось в бескорыстии США. Феликс Агонсильо, впоследствии один из неутомимых дипломатов Филиппинской республики, поддерживая целесообразность возвращения Агинальдо, аргументировал это так: «Президент с его престижем на Филиппинах будет в состоянии поднять массы для отпора требованиям США, если они колонизируют страну, и сможет повести массы, если обстоятельства потребуют, на титаническую борьбу за независимость»⁶. Но и Агонсильо считал, что если США останутся верны

¹ Roosevelt T. «An autobiography», p. 223—224. L. 1913; Theodore Roosevelt «La vie intense», p. 151—152. P. s. d.

² Roosevelt T. Op. cit., p. 224; Robinson A. «The Philippine, the war and the people», p. 40. 1901.

³ A guinaldo y Famy «Recena verdica de la Revolucion Filippina. Congressional records». Vol. XXX; Акт протеста Агонсильо и его меморандум сенату США 30 января 1899 года.

⁴ 55. Congress, 3 Session. Senate document, № 62, p. 442. Foreign relation 1898; Message from the president of the US to the two Houses of Congress... with the report of the heads of departments. Vol. 1—4. Washington. 1899.

⁵ Senate documents, № 62, pt. I, p. 342.

⁶ Kalow M. Op. cit., p. 104—105.

принципам своей конституции, никакой угрозы с их стороны филиппинской независимости ожидать не приходится.

Через две недели после манильского морского сражения Агинальдо был доставлен на Филиппины на американском военном судне и вновь стал во главе вспыхнувшего с новой силой восстания против испанского господства.

Испано-американская война создала обстановку, благоприятную для быстрой и успешной ликвидации испанского господства.

Провозглашение 12 июня 1898 г. независимости Филиппин, создание революционного правительства на значительно более широкой основе, нежели на первом этапе революции, в 1896—1897 гг., всенародный характер антииспанской борьбы и успешная ликвидация испанского господства на всём протяжении архипелага, за исключением Манилы и отдельных пунктов, завершились конституционным оформлением Филиппинской республики на революционном конгрессе, собравшемся в октябре 1898 г. в Малалосе.

Положение на Филиппинах в первые месяцы испано-американской войны и тактика американского командования в отношении филиппинского революционного правительства способствовали укреплению надежд на завоевание полной независимости¹. В этой связи важно установить подлинный характер филиппино-американских отношений до конца испано-американской войны.

Освещая этот период, филиппинские политические деятели и историки неизменно стремились показать фактическое признание Филиппинской республики американцами. С другой стороны, американские авторитеты, начиная с президента Мак Кинли и кончая представителями военно-морского командования на Филиппинах, отрицают не только какое бы то ни было признание филиппинских революционных властей, но даже вообще наличие у филиппинцев стремления к независимости.

Впоследствии командор Дьюи дошёл до утверждения перед сенатской комиссией США, что ему «даже и не снилось, что они хотят независимости». Довольно откровенно он заявлял: «Я никогда не рассматривал его (Агинальдо) как союзника, я использовал его и туземцев лишь для помощи в операциях против Испании».

У нас нет основания утверждать, что осторожный Дьюи действительно связал себя какими-нибудь формальными обещаниями, но его попытки задним числом отрицать самые тесные связи с Агинальдо и тактику укрепления иллюзий относительно истинных намерений США опровергаются как филиппинскими, так и американскими свидетельствами.

Если опубликованную Агинальдо в самый разгар филиппино-американской борьбы в 1899 г. брошюру можно заподозрить в пристрастном изображении начального периода отношений, то у нас нет никаких оснований не доверять весьма объективным и сдержанным свидетельствам творца малалоской конституции — Кальдерона.

При этом утверждения Кальдерона, бывшего свидетелем свиданий Дьюи с Агинальдо, совпадают и с показаниями американского коррес-

¹ Вряд ли приходится удивляться иллюзиям филиппинского революционного правительства. Значительно более опытные иностранные дипломаты не считали вероятным захват Филиппинских островов США не только в начале испано-американской войны, но и после подписания Вашингтонского протокола. Японский посол в США Хосе Сатору доносил в этот период японскому министру иностранных дел графу Окума: «Намерения Америки заключаются отнюдь не в Тихом океане» (Асадо Ридсабуро «История иностранных сношений с Тихим океаном». Токио. 1921. На японском языке). Сам Ридсабуро считает, что в момент подписания Вашингтонского протокола «президент США не имел намерения захватить Филиппинские острова» (там же стр. 286). Аналогичного мнения придерживался и русский посол в США Кассини (АВП, К., д. № 114, л. 220). Более того: испанский министр иностранных дел даже настоячивость США в вопросе о формулировке 3-й статьи Вашингтонского протокола объяснял «принятыми американским адмиралом обязательствами в отношении Агинальдо» (см. АВП, К., д. № 70, 1898 г., л. 216).

пондента Робинсона, почти два года находившегося на Филиппинах. Робинсон идёт гораздо дальше Кальдерона. Он отмечает оказание почестей филиппинскому национальному флагу (факт, упорно отрицавшийся Дьюи), передачу американцами пленных испанцев филиппинским революционным властям и т. д.¹

Протест от имени Испании по поводу плавания кораблей инсургентов мы находим и в ноте Тьебо, замещавшего одно время французского посла Ж. Камбона в Вашингтоне².

Командующий первыми американскими сухопутными силами генерал Андерсен, прибывший на Филиппины 30 мая 1898 г., немедленно установил с правительством Агинальдо самый дружеский контакт. В письме, адресованном Агинальдо, 4 июня 1898 г. он писал: «Генерал, имею честь сообщить Вам, что США, силами которых я имею честь здесь командовать, находясь в состоянии войны с Испанией, имеют полную симпатию и самые дружеские чувства к населению Филиппинских островов. Поэтому я желал бы иметь дружеские отношения с Вами и пользоваться Вашим и Вашего народа сотрудничеством».

Андерсен при этом не только сам отдавал себе отчёт в стремлении Филиппин к независимости, но и информировал об этом военное министерство США.

Его телеграмма от 22 июля прямо указывала, что «филиппинский народ ожидает независимость».

Любопытно, что эта телеграмма не только была отправлена через Дьюи и им визирована, но и опубликована в отчёте Дьюи в 1898 году³. Очевидно, в тот момент адмирал не предполагал ещё необходимости через два года доказывать, что ему и «во сне не снилось» филиппинское стремление к независимости.

Об отношениях Андерсена с филиппинскими властями мы знаем и со слов генерала Меритта, прибывшего на Филиппины 25 июня 1898 г. в качестве главнокомандующего. В беседах с представителем США на Парижской мирной конференции в конце 1898 г. Меритт утверждал, что Андерсен относился к Агинальдо и его правительству «как к союзнику и местной власти»⁴.

Да и к самому Дьюи правительство Агинальдо обращалось как к союзнику. Не удивительно поэтому, что, подводя итог тактике американцев в период испано-американской войны, крупный знаток Филиппин, Ле Рой, отнюдь не склонный защищать филиппинскую точку зрения, должен был согласиться, что она являлась по меньшей мере молчаливым признанием правительства Агинальдо⁵.

Таким образом, можно считать установленным, что американское командование до разгрома Испании всячески избегало обострений взаимоотношений с филиппинским революционным правительством и предпочитало не разрушать иллюзий, касавшихся позиций США по вопросу о независимости Филиппин.

Причина этой тактики понятна. В первую очередь она заключалась для США в том, чтобы руками филиппинцев ликвидировать испанское господство. По существу, США вступили в войну неподготовленными и лишь к концу войны смогли полностью развернуть и комплектование армии и её снабжение⁶.

¹ Robinson Op. cit., p. 51; Cp. Le Roy «The Americans in the Philippines». Vol. I, p. 214.

² «Foreign relations», 1898, p. 810—811.

³ 56 Congress, 1st Session. Document 208.

⁴ «Foreign relations, 1898», p. 920.

⁵ Le Roy. Op. cit. Vol. I, p. 214.

⁶ Слабую готовность США к войне признавал впоследствии и военный министр Э. Рут (см. его речь в военном колледже 1908 г. «Root E. Addresses and reports», p. 127). Американский генерал Вильсон прямо утверждал, что счастливым окончанием войны

До конца операций на Кубе США не могли направить на архипелаг сколько-нибудь значительные силы. Вместе с тем сложившиеся в период войны филиппино-американские отношения отнюдь не исключали задач революционного правительства защищать интересы молодой республики дипломатическим путём и добиваться её международного признания.

Уже декрет Агинальдо от 23 июня 1898 г., являвшийся вплоть до утверждения конституции, выработанной революционным конгрессом в ноябре 1898 г., органическим законом, создавал министерство иностранных дел. Одновременно ст. 31 этого декрета предусматривала создание заграничного революционного комитета в составе трёх секций: дипломатии, армии и флота. В условиях ещё не законченной борьбы на Филиппинах этот комитет, находившийся в Гонконге, играл очень активную роль.

В «медовый месяц» филиппино-американских отношений правительство Филиппин пыталось через посредство своих американских союзников доводить до сведения иностранных держав о своих мероприятиях и законах. Так было с актом провозглашения независимости от 12 июня 1898 года.

Укрепление положения революционного правительства на архипелаге, с одной стороны, и разгром Испании — с другой, активизировали дипломатическую деятельность филиппинцев. Несомненным толчком явились начатые Жюлем Камбоном в Вашингтоне по поручению испанского правительства переговоры о прекращении военных действий.

6 августа 1898 г. Агинальдо опубликовал обращение к иностранным державам, в котором говорилось: «Нижеподписавшийся в силу своей власти как президента революционного правительства Филиппин и от имени представителей филиппинского народа обращается за поддержкой ко всем державам цивилизованного мира, настоятельно приглашает к официальному признанию революции воюющей стороны и к признанию независимости Филиппин».

Через несколько дней (10 августа) был реорганизован революционный зарубежный комитет и одновременно назначен в качестве представителя филиппинского правительства в США Фелипо Агонильо.

Были утверждены уполномоченные революционного правительства и в других странах. Большей частью это были давно там проживавшие представители крупной филиппинской буржуазии и интеллигенции.

Представителями в Париже были утверждены один из крупнейших богачей Манилы, Педро Рохос, и талантливый филиппинский художник Хуан Луна, брат одного из выдающихся революционных генералов — Антонио Луна¹. В Лондоне революционное правительство было представлено давно натурализовавшимся адвокатом Рехидором, в Японии — Мориано Понсе, выполнявшим ещё раньше поручения по закупке оружия.

Вряд ли филиппинское правительство могло быть в курсе тех острых споров, которые развернулись в Вашингтоне в связи с формулировкой третьей статьи Вашингтонского мирного протокола, касавшейся Филиппин. Затяжка переговоров Жюля Камбона, начатых 22 июля 1898 г., до

США «обязаны больше неготовности и неэффективности испанских армий и флота нежели более высокой организованности и руководства своих» (Wilson J. H. «Under the old Flag». Vol. II, p. 415). Это полностью совпадает и с выводами русского полковника генерального штаба Жилинского, командированного по высочайшему повелению на Кубу (Ж и л и н с к и й «Испано-американская война. Отчёт. Не подлежит оглашению», стр. 235—237. СПб. 1898). Об очень плохом состоянии лагерей волонтеров, их вооружении и снабжении говорят отчёты русского генерального консула в Нью-Йорке. Наконец, русский посол Кассини доносил в Петербург, что «Америку толкает к миру тяжёлое положение армии». В его депеше от 18 августа 1898 г. имеется ссылка на заявление американского командования на Кубе: «Если американские войска не будут немедленно эвакуированы, то армия не только не будет иметь сил идти на врага, но даже добраться до судов, которые должны её отправить в США» (АВП: К., д. № 114, 1898 г., л. 238).

¹ K a l o w. Op. cit., p. 227.

12 августа связана была главным образом с филиппинским вопросом США настаивали на следующей редакции 3-й статьи: «США займут город, бухту и гавань Манилы до заключения мирного трактата, который определит контроль, владение (possession) и управление Филиппинскими островами». Испания, всё ещё рассчитывавшая на сохранение Филиппин¹, настаивала на замене слова «владение» словом «распоряжение» (disposition). Испания боялась признать американскую формулировку, ставившую под сомнение вопрос о суверенитете над Филиппинами. При этом президент Мак Кинли уже во время Вашингтонских переговоров доказывал, что морская победа Дьюи создаёт факт «завоевания» Филиппин. Слабость этой аргументации была ясна самим американским империалистам. Несомненно, захват Манилы вооружённым путём 14 августа 1898 г., хотя США на основе Вашингтонского протокола от 12 августа могли её оккупировать мирным порядком, связан был с сознательным созданием оснований для претензии на «завоевание». Впоследствии это завоевание Манилы было искусно использовано делегатами США в Париже соответственно с непосредственными указаниями Мак Кинли. Испания понимала смысл вооружённого захвата Манилы, поэтому ещё до начала парижских переговоров тщетно пыталась добиться от США признания, что американские войска находятся в Маниле, в соответствии с Вашингтонским протоколом от 12 августа, а не на основе акта о капитуляции манильских властей от 16 августа 1898 года. Всё это как нельзя лучше свидетельствует, что намерения захватить Филиппины существовали вопреки обычным представлениям ещё до начала парижских переговоров. Лишь в результате настояний Камбона, Мак Кинли отказался от своей редакции (possession).

Но даже в своей окончательной редакции эта статья в отличие от статьи, касавшейся Кубы, оставляла вопрос о Филиппинах открытым.

Уже это обстоятельство побуждало филиппинское правительство к немедленным действиям.

Ещё более тревожным предупреждением явилось изменение тактики американского командования после подписания мирного протокола с Испанией.

Как известно, столица Филиппин, Манила, была взята американцами с бою после подписания Вашингтонского протокола и одновременного распоряжения Мак Кинли о прекращении военных действий.

Этот факт впоследствии явился предметом длительных споров между американскими и испанскими дипломатами. Но для филиппинского правительства захват американцами Манилы, падение которой было подготовлено филиппинскими военными действиями, немедленно обернулся своей империалистической стороной. Запрещение филиппинцам не только участвовать в занятии города, но и переходить установленную американцами демаркационную линию было первым наглядным уроком. С этого дня между военными силами филиппинцев и американцев создаются напряжённые отношения, которые в дальнейшем обостряются независимо от официальной политики филиппинского правительства и логично приводят к вооружённому столкновению в самый невыгодный для филиппинцев момент — накануне голосования парижского договора в сенате США.

Агонсильо прибыл в Вашингтон 27 сентября, т. е. после отъезда американской делегации в Париж. Он сумел добиться аудиенции у президента Мак Кинли, но частной, а не официальной, как ему того хотелось.

Беседа с Мак Кинли оказалась совершенно бесплодной и из свидания с американским государственным деятелем Агонсильо вынес твердое убеждение, что тот и не думает о признании Филиппинской республики.

¹ См. заявление испанских государственных деятелей и донесения очень близкого к испанскому двору Шевича. АВП. К., д. № 114, 1898 г., л. 76.

Филиппинскому представителю оставалось только немедленно послать соответствующую пессимистическую информацию на родину. Не теряя времени, он направился в Париж, где, как ему было обещано в Вашингтоне, американские делегаты должны были выслушать его пожелания. Однако в Париже филиппинского представителя ждало ещё большее разочарование. Он не только не был допущен к работам конференции, но не смог даже добиться свидания с главой американской делегации.

С большим трудом ему удалось через генерала Грина представить краткий меморандум¹, не оказавший, как и вся деятельность Агонсильо, какого-либо влияния на ход конференции.

Испания была разбита и разорена. Судьба её колоний зависела от милости победителя. 10 декабря 1898 г. Парижский договор зафиксировал крах Испании как колониальной державы. Уступка Испанией своих колониальных прав на Филиппины Соединённым Штатам разбила надежды филиппинцев на независимость. Агонсильо вынужден был выступить с заявлением протеста и кампанией в парижской прессе. Учитывая резкую оппозицию против колониальной политики Мак Кинли в США и надеясь, что договор не будет утверждён сенатом, Агонсильо спешно возвратился в США. Здесь он поддерживает тесные связи с американскими «антиимпериалистами» и руководящими кругами демократической партии, стремившейся использовать оппозиционные настроения в своих интересах. В то же время он продолжает упорно добиваться, чтобы его признали официальным представителем филиппинского правительства.

5 января 1899 г. Сиксто Лопес, секретарь Агонсильо, обратился к государственному секретарю, настаивая на приёме Агонсильо и урегулировании вопроса о вручении им своих верительных грамот президенту. Письмо осталось без ответа, так же как и последующие личные обращения Агонсильо к государственному секретарю². Когда 25 января 1899 г. было решено, что голосование по вопросу о Парижском договоре в сенате состоится 6 февраля, Агонсильо направил через государственный департамент длинный меморандум, в котором освещалась история испано-филиппино-американских отношений и доказывались несомненные права филиппинского народа и созданного им республиканского правительства на признание.

Судьбу этого интересного меморандума нам не удалось проследить, но практических результатов он не принёс.

Отклоняя все домогательства филиппинского представителя, президент Мак Кинли принимал меры к тому, чтобы ускорить установление американского суверенитета над Филиппинами. Он, как и другие сторонники аннексии Филиппин, стремился поставить сенат США к моменту голосования Парижского договора перед свершившимся фактом.

Президент соответствующим образом инструктировал генерала Отиса, заменившего на посту главнокомандующего американскими силами генерала Меритта, после отъезда последнего на Парижскую конференцию. Отис был назначен военным губернатором Филиппин и пытался выполнить требования Мак Кинли как можно скорее установить американское господство над архипелагом.

Это вызвало самые энергичные протесты филиппинского республиканского правительства.

В создавшейся обстановке Агинальдо, наконец, решился утвердить и опубликовать принятую революционным конгрессом конституцию, прокламирование которой он задерживал, будучи недоволен ограничением в ней прав президента.

2 января Агинальдо назначил премьером республиканского кабинета Аполинарио Мобини, одного из наиболее последовательных сторонников

¹ 55 Congress, 3 Session, S. Doc. № 62, p. 1, pp. 429—440.

² Kalow. Op. cit., pp. 233—235.

полной независимости Филиппин. 5 января 1899 г. было опубликовано за подписью президента Агинальдо обращение к «братьям филиппинцам и к уважаемым консулам и союзникам». Оно содержало резкий протест против попыток американских войск силой захватить Висайские острова, против назначения Отиса военным губернатором и т. д. Хотя воззвание и заканчивалось заявлением о готовности защищать территорию Филиппин с оружием в руках, филиппинское правительство до ратификации договора в сенате США ещё рассчитывало на возможность мирным путём добиться признания независимости.

В то время как Агонсильо тщетно добивался признания в США, на Филиппинах 11 января 1899 г. начались непосредственные переговоры между американскими представителями, назначенными Отисом, и филиппинскими делегатами.

В отличие от правительства в Вашингтоне, Отис не мог уклониться от переговоров. Он видел нарастающее напряжение на Филиппинах и в то же время не располагал достаточным, по его мнению, количеством солдат.

С первых же дней переговоры были обречены на безрезультатность. Филиппинская делегация доказывала право страны на независимость и настаивала на её признании американцами. Переговоры тянулись около месяца. Глава американской делегации генерал Хьюс довольно откровенно заявлял, что «старался их продолжать до тех пор, пока прибудет судно генерала Лоутона с четырьмя батальонами».

По настоянию филиппинских делегатов Отис вынужден был сообщать их требования в Вашингтон. При этом он не мог не признать, что «инсургенты желают квалифицированной независимости под протекторатом Соединённых Штатов». Возможно, что эти переговоры явились одной из причин посылки Мак Кинли на Филиппины специальной комиссии, возглавленной известным финансовым деятелем, для обследования положения на месте. Но прежде чем эта комиссия добралась до Манилы, на Филиппинах вспыхнули военные действия между филиппинскими и американскими силами. Первые выстрелы, прозвучавшие 4 февраля 1899 г., почти накануне голосования в сенате Парижского договора, были представлены в США как «вероломное нападение» филиппинцев. Они обеспечили утверждение договора большинством трёх голосов.

Договор был ратифицирован. Филиппины признаны американской колонией. Однако для того чтобы осуществить полученные по договору «права», Соединённым Штатам пришлось в течение нескольких лет вести кровопролитную борьбу с филиппинским народом, послать на архипелаг более 70 тыс. солдат и пойти на реальные уступки в области колониального управления.

Вооружённая борьба филиппинского народа против новых колонизаторов явилась основной причиной того, почему США должны были пойти на значительные уступки, почему возникавший на Филиппинах американский колониальный режим по своему относительно либеральному и демократическому характеру столь сильно отличался от режима в колониях других держав.

Народная борьба переплетается и с попытками дипломатическим путём добиться удовлетворения филиппинских чаяний. При этом наглядно выступает и постепенная дифференциация в лагере Филиппинской республики.

Примкнувшие к революции либеральные буржуазно-помещичьи элементы постепенно готовы были отказаться от требования полной независимости и искать компромисс с США. Широкие возможности развития торговли, упразднение стеснительных ограничений испанских времён, открытие Манилы для торговли всех наций смогли использовать в первую очередь те наиболее консервативные слои филиппинского общества, которые вообще не принимали участия в восстании. Они отсиживались

в блокированной революционерами Маниле под властью испанцев и осталась в столице после её захвата американцами.

Между этими элементами и либеральным крылом в лагере республики существовала постоянная связь. Постепенно, по мере отхода либералов от революционной борьбы под влиянием трудностей, с одной стороны, и американских уступок — с другой, они перебираются в Манилу и начинают также фактически сотрудничать с американскими властями.

Все эти процессы наметились уже в 1899 г., в связи с прибытием в Манилу комиссии Шермана. 4 апреля 1899 г. комиссия выпустила воззвание к филиппинцам, обещавшее в случае прекращения вооружённого сопротивления и признания верховенства США демократические порядки, буржуазные свободы и т. д.

Позиция, занятая комиссией, способствовала открытому выступлению манильских консерваторов в пользу немедленного мира любой ценой. В лагере республики принципиальная позиция А. Мабини вызывала оппозицию со стороны либеральных элементов. Петро Патерно, в своё время являвшийся посредником между испанским генерал-губернатором Примо де Ривера и революционным правительством, и крупный адвокат и помещик Буэн-Камино возглавляли эту оппозицию. Патерно и его единомышленники, требуя переговоров с США, тем не менее не были ещё готовы идти на полную капитуляцию, подобно консервативным кругам Манилы. Неудачи американцев в борьбе против филиппинцев, наличие регулярной народной филиппинской армии под командованием способных и энергичных генералов Антонио Луна, Рикорте и др. — всё это порождало у Патерно надежды добиться больших уступок, нежели те, которые были предложены комиссией Шермана.

Под давлением группы Патерно — Буэнкамино, Агинальдо в конце апреля 1899 г. согласился на переговоры с комиссией Шермана. Чтобы облегчить переговоры с США, Агинальдо отстранил кабинет Мабини и создал новый — во главе с Патерно и Буэнкамино.

Мабини неспособен был отстаивать свою линию путём борьбы. Больше всего опасаясь разногласий в революционном лагере, он безропотно уступил свой пост либералам. В кругах военных руководителей Филиппинской республики эта смена кабинета правильно расценивалась как опасный симптом готовности к компромиссу.

Один из наиболее способных и энергичных генералов революции, Антонио Луна, открыто выступил против «предательских попыток сговориться с американцами». Популярный генерал казался сторонникам переговоров гораздо более опасной фигурой, нежели Мабини. Не рискуя его сместить, Агинальдо избрал путь вероломного его устранения. Убийство Луна в июне 1899 г. нанесло удар военной организации Филиппинской республики и одновременно ослабило и позиции Филиппин в переговорах с новой американской комиссией, возглавленной Вильямом Тафтом.

В конце 1899 г. правительство Агинальдо отказалось от сохранения регулярной армии и перешло целиком к партизанским методам борьбы. Это явилось сигналом к дальнейшей дифференциации в руководстве республики. Всё возрастающие воинские контингенты США позволяли американцам военным путём подчинять себе один за другим административные центры архипелага.

Филиппинские дипломаты за границей и в первую очередь гонконгский революционный комитет, к которому переходит инициатива дипломатической деятельности за пределами Филиппин, продолжают связывать надежды на филиппинскую независимость с поражением республиканцев и, в частности, с поражением в президентских выборах Мак Кинли. Их деятельность направлена на поддержание связей с демократической партией США и со всеми антиимпериалистическими лигами, проявлявшими особую активность в связи с избирательной кампанией. В то же

время в нашем распоряжении имеются и материалы, свидетельствующие о дальнейших попытках филиппинской дипломатии добиться признания со стороны некоторых европейских стран.

Переизбрание Мак Кинли явилось новым ударом по филиппинским надеждам получить независимость из рук американской демократической партии.

Процесс капитуляции либеральных элементов и их постепенный переход в Манилу усиливается. Однако начиная с 1900 г. официальная дипломатическая деятельность на Филиппинах не имеет места. Филиппинского правительства уже фактически с этого времени не существует. Но народ продолжает борьбу. И упорный характер этой борьбы диктует США необходимость уступок.

Уже при организации временного управления на «освобождённой» от филиппинских отрядов территории американцы широко привлекают видных филиппинских деятелей, зарекомендовавших себя умеренными взглядами.

Принятый конгрессом США в 1902 г. закон о Филиппинах, предусматривавший демократические права филиппинцев, создание выборной законодательной нижней палаты и т. д. обеспечили прекращение вооружённой борьбы и переход филиппинских националистов на путь мирной парламентской борьбы за достижение независимости.

В 1903 г. была распущена и гонконгская хунта; тем самым прекратились и всякие попытки самостоятельной внешнеполитической деятельности Филиппин.

Филиппинская республика потерпела поражение, но вооружённая борьба народа и усилия его дипломатов не прошли бесследно. Только в результате размаха филиппинского национально-освободительного движения Филиппины могли добиться такого статуса, который хотя и не удовлетворил справедливых требований национальной независимости, но всё же обеспечил более благоприятные, нежели в других колониях, условия для борьбы за неё.
